

ренные Десятым (чрезвычайным) Съездом народных депутатов с 23 сентября, включая обращение «К гражданам России», деклариовавшее 4 октября недопустимость развязывания гражданской войны. Завершают раздел документы Конституционного суда и его председателя (с 21 сентября по 6 октября), включая инициативы по мирному урегулированию кризиса и заключение 21 сентября, согласно которому указ № 1400 был признан основанием для отрешения президента от должности. Второй раздел составляют выпущенные с 21 сентября по 3 октября распоряжения, указы и воззвания Президиума Верховного совета и его руководителей, а также Руцкого, на которого в «Белом доме» было возложено исполнение обязанностей президента. Третий раздел представляет собой реконструкцию официального отчёта о работе Президиума Верховного совета с 21 сентября по 1 октября.

Реконструированный № 39 также содержит обширные приложения: черновые проекты решений Съезда народных депутатов, окончательные варианты

которых не сохранились или остаются неизвестными; материалы, подлинность которых сомнительна (скорее всего, это также черновики, в их числе и подготовленный 22 сентября «указ» Руцкого об увольнении В.С. Черномырдина с поста главы правительства); нумерационно-хронологический указатель всех известных актов Съезда, Верховного совета и его Президиума, а также и.о. президента с 20.00 21 сентября по 4 октября; «документы мирных переговоров», проходивших с 1 по 3 октября; некоторые решения и определения Конституционного суда с 1 декабря 1993 г. по 14 марта 1995 г. и др. Издание завершают подробный «Алфавитно-предметный указатель за 1993 год» (к № 1–39) и краткий библиографический список.

Ценность осуществлённой реконструкции «Ведомостей» не вызывает сомнений. Составитель собрал сотни неизвестных и малоизвестных источников, необходимых для осмысления одной из самых драматических и переломных вех в новейшей отечественной истории.

Андрей Сахаров

История Мордовии в современном прочтении*

Andrei Sakharov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Mordovia's history in contemporary reading

Историю нашей родины трудно понять без представления о том, как в течение веков развивались её отдельные регионы, национальные районы, которые в конце концов составили единое государство. Каждая из этих региональных и национальных «историй» вносила вклад в общую российскую, придавая ей неповторимый колорит. Учёные как прошлых времён, так и XX в., зная такую особенность истории России, внимательно относились к вопросу о соответствии мировой,

общерусской и региональной истории нашей страны. Однако в разные годы эта тенденция наталкивалась на различные политические, идеологические, методологические ограничители. Так что можно определённо сказать: процесс познания российской истории вовсе не исчерпан, он продолжается, обогащаясь новыми подходами, открытиями, откровениями.

Своё место в этом процессе занимает «Мордовская история» известного исследователя, профессора В.А. Юрчёнкова,

* Юрчёнков В.А. Мордовская история. Курс лекций. Саранск: Издатель Константин Шапкарин; Центр образовательных технологий, прикладной и профессиональной этики, 2014. 276 с.

обобщившая его многолетний научный и преподавательский опыт. Во введении автор так определил концепцию книги: «За годы научной деятельности у меня сложилось твёрдое убеждение в том, что мордовская история является органической и неотъемлемой частью российской истории и в то же время представляет собой совершенно уникальную и неповторимую её часть, становление которой происходило под воздействием как общероссийских, так и региональных закономерностей» (с. 3–4).

Придерживаясь этой позиции, Юрчёнков, как и другие современные историки, свободный от ограничителей, препятствующих объективному исследованию, пожалуй, впервые представил нам мордовский народ в качестве активной действующей силы, субъекта истории, а не просто объекта, находящегося под воздействием неких глобальных исторических факторов. Именно подобный новаторский подход способствует пониманию исторического пути и других народов России с их общими закономерностями и специфическими особенностями.

Выделившись в компактную этноязыковую общность на землях между Волго-Камьем и Уралом (с. 13), угро-финны вступали в тесные связи с другими здешними обитателями, испытывали на себе влияние южных культур. Анализируя данные археологов, Юрчёнков отметил, что этому краю уже в древние времена были присущи такие черты, как проницаемость для миграций и одновременно медленная, но неуклонная ассимиляция древних мигрантов в среде угро-финнов, живущих большой компактной массой и приспособившихся к местным условиям.

То оттесняемые пришельцами к северу и востоку, то снова занимающие прежние места обитания, угро-финны постоянно находились в цивилизационной контактной зоне, где шёл обмен производственным опытом, взаимодействовали соседствующие культуры, происходило этническое смешение. Наглядно это проявилось в период неолитической революции, перехода от присваивающего к производящему хозяйству – земледелию и скотоводству. Именно в эпоху бронзы происходило взаимодействие и взаимо-

проникновение угро-финских племён и пришельцев, складывался здешний полиэтнический мир. В поволжско-поокско-прикамском крае стал формироваться общий экономико-социальный уклад, единая культура.

Юрчёнков далёк от идеализации таких цивилизационных перемен. Он подчеркнул, что порой они проходили в ожесточённой борьбе за земли, леса, воды между пришельцами (как правило, выходцами с юга) и аборигенами, чему имеются многочисленные археологические свидетельства. Но тем не менее конечным результатом неизменно оказывался исторический синтез, в связи с чем важен вывод автора о схожести многих подобных явлений у других древних обитателей Восточно-Европейской равнины, окружавших мордовский край. Этот подход помогает нам понять не только генезис мордовского народа, но и складывание цивилизационных основ всего населения, обитающего на огромных пространствах Восточной Европы. Не война, не завоевания стали доминирующей чертой будущего мордовского края, а нескончаемый, упорный, терпеливый труд, вбирающий в себя опыт как многих поколений местного населения, так и ассимилированных им порой весьма агрессивных пришельцев, находившихся нередко на более высоком уровне развития. В конечном итоге именно трудолюбие, стойкость в освоении природы, преодолении чужеземных миграций способствовали выработке у здешних племён чувства самодостаточной ценности, уверенности в своём настоящем и будущем, самобытности.

В I тыс. н.э. из среды угро-финнов начала формироваться древнемордовская культура, которой удалось поглотить и перемолоть в своей среде воинственных сарматов, нападавших на здешние земли с юга. К рубежу I и II тыс. мордва заселяла обширные пространства между реками Окой, Волгой и Сурой, причём один из её субэтносов – эрзяне – занимал северную и северо-западную части этой территории, а другой – мокшане – южную. К этому времени Юрчёнков относит важный этап становления внешнего окружения края, надолго определивший место мордвы в тогдашнем восточно-европейском мире.

После гуннского нашествия, приведшего в движение многие народы, в Среднем Поволжье появились новые мигранты – восточные славяне. Их первая волна была недолгой и не оказала заметного влияния на жизнь местных племен. Затем в Среднем Поволжье появились булгары, ставшие восточными соседями мордвы (с юга с ней граничили аланы, а позднее – хазары). К концу I тыс. её земли оказались зажатыми между тремя крупными государственными образованиями – Хазарским каганатом, Волжской Булгарией и растущим восточнославянским государством – Русью. Позже появились другие крупные политические образования – Золотая Орда (позднее Казанское ханство) и осколки Древнерусского государства – Владимиро-Суздальская Русь, Нижегородское, Рязанское княжества, затем мощное Великое княжество Московское.

К тому времени в мордовской среде не только в силу внутренних социально-экономических перемен, но и под влиянием соседей зародились процессы феодализации общества, власть племенных вождей стала наследственной. Здесь земли превратились в некую «буферную зону», за которую боролись сначала владимирские князья и булгары, затем Москва и Золотая Орда, а ещё позднее – Русское централизованное государство и Казанское ханство. Юрчёнков, думаю, впервые в нашей историографии объективно показал, что мордва, даже оставаясь в качестве данника Булгарии, протектората Хазарии, улуса Золотой Орды, творила собственную историю, бережно хранила традиции и обычаи предков, упорным трудом осваивала свою землю. В итоге Булгария, Хазария, Золотая Орда канули в Лету, а мордва встроилась в новые реалии в составе окружавших её со всех сторон российских земель.

Отношения с Русью, русскими княжествами, Москвой, Русским централизованным государством занимают в книге особое место. Святослав Игоревич, направляясь в восточный поход в 964 г., не только освободил славянское племя вятичей от власти хазар, но и прошёл к границам Булгарии, обрушился на Хазарский каганат, оставив в тылу не затронутые войной мордовские земли. Так началось

мирное сотрудничество Руси и мордвы, которое Юрчёнков вполне оправданно определил как конфедеративные отношения, оформленные договором, и сравнил их с установленными между племенами вятичей, кривичей и другими, составившими первоначальный политический каркас Древнерусского государства. Но если восточно-славянские племенные конфедерации в дальнейшем утратили политическую особость и уже в конце X – начале XI в. представляли собой лишь наместничества единой Руси, то мордва на долгие годы сохранила своё управление, религию, традиции и обычаи, на которые Русь не посягала. Вместе с тем «взаимодействие с Русью ускорило вызревание государственных структур у мордвы» (с. 65).

В подтверждение конфедеративных отношений мордвы с Русью автор обратился к событиям 985 г., когда, согласно Повести временных лет, Владимир Святославич воевал с булгарами. Юрчёнков уверен, что тогда русская рать снова спокойно прошла на Волгу через мордовские земли (с. 65). Увы, никакого отношения к мордве этот поход не имеет, поскольку в данном случае речь в летописи идёт о победоносной войне кн. Владимира с дунайскими болгарами (розыгрыш «болгарской карты» в то время был в центре его дипломатии).

Мордва встраивалась в политическую, экономическую и социальную структуры Руси, эволюционировала вместе с нею, втягивалась в междоусобицы, принимала участие в противоборстве Владимиро-Суздальской Руси и волжских булгар, повлекшем за собой отказ Булгарии от протектората над находившейся до того под её влиянием восточной ветвью мордвы. Первая треть XIII в., по наблюдениям Юрчёнкова, характеризовалась упорной исторической борьбой мордвы за независимость против наступавших русских княжеств. Это было, по словам историка, «экстремальное время» в истории мордовского народа, связанное с героической фигурой – князем Пургасом.

Но гораздо более трагичным для мордовской земли, конечно, стало монгольское нашествие и последующее превращение её в часть Золотой Орды. Местное хозяйство было подорвано, политические

процессы заторможены; значительная часть населения покинула родные края и мигрировала на север и северо-запад, ближе к русским границам; восстания против завоевателей жестоко подавлялись. Карательные набеги ордынцев стали системой, что ещё более ухудшало общее состояние края. В этих условиях часть мордовских князей, заключил автор, пыталась играть на противоречиях между слабеющим Сараем и крепнущей Москвой. В 1380 г. на Куликовом поле мордовские ратники оказались в стане Мамай. И лишь после разгрома войск всеильного темника чаша весов в отношениях мордвы и Великого княжества Московского качнулось в сторону последнего (с. 81).

Но процесс вхождения мордвы в состав уже единого Русского государства был длительным и сложным. Значительная её часть проживала на территории Нижегородско-Суздальского и Рязанского княжеств, однако некоторые племена — на землях, подвластных казанскому хану. На Казань вместе с войском Ивана IV в 1552 г. шёл 10-тысячный отряд мордвы; мордовские проводники указывали русским дорогу через муромские леса. Процесс вхождения мордовских земель в состав России был завершён.

Но говорить о прочности и стабильности этого синтеза, отметил автор, было преждевременно, что наглядно показали события «бунташного» XVII в. Мордва очень быстро ощутила не только внешнюю защищённость под крылом России, но и наступление новых социальных порядков. Начались посягательства на мордовские земли со стороны русских феодалов, рос налоговый гнёт. Как и всё российское население, мордва стала испытывать давящую силу складывавшегося абсолютистского государства. Юрчёнков показал роль мордвы в смуте: выступление против правительства Шуйского, штурм русских городов, одновременно борьбу против бесчинств казаков, разного рода «лихих людей», польских интервентов и, в конце концов, исторический выбор — участие сначала в первом, а затем во втором ополчении Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского.

А далее история мордвы всё теснее сплеталась с судьбой всего российского

народа. Это видно по тем страницам книги, где рассказывается о вкладе мордвы в укрепление обороноспособности России на засечных чертах, о совместной с русскими поселенцами борьбе против воеводского произвола, о протестах против расхищения родных земель, что вылилось в активное участие мордвы в восстании под предводительством Степана Разина (жаль, что автор не использовал богатейшие данные многотомной публикации историков об этом народном движении).

Линию на дальнейшую всестороннюю интеграцию мордвы в общероссийские процессы автор выдержал и применительно к описанию жизни края в XVIII в.: его уроженцы на строительстве российского флота на юге и на севере, новой столицы — Петербурга, первых отечественных промышленных предприятий. Завод властно вторгся в жизнь мордовского края: поташное производство, металлургия и металлообработка, винокурение. Бывшие ясачные люди прочно привязывались к новым производствам, появился слой работных людей, приписных крестьян, начались и протесты против тяжелейших условий труда. «Парадоксы буквально пронизывают народную жизнь, — заключил Юрчёнков. — Мордовский край втягивается в рыночные отношения, а рядом с новыми экономическими явлениями — принудительные, палочные, административные способы вышибания продукта и прибыли» (с. 133). Всё это привело к участию мордвы в пугачёвском движении.

XVIII в. стал и веком всеобщего крещения мордвы — где «кнутом», а где «пряником», что ещё более втянуло её в общую российскую культуру. Все эти сложные и противоречивые перемены привели к тому, что мордва, по словам автора, стала «народом имперским» (с. 140). Иными словами, в силу различных исторических причин судьба этноса перестала совпадать с территорией региона. Значительная его часть оказалась за пределами родного края, в частности, крестьяне приняли участие в колонизации обширных земель (путём переселений, бегства от наступления феодально-крепостнических порядков). Одновременно проходили процессы ассимиляции. В связи со столь полной картиной эволюции мордвы в XVI — пер-

вой половине XIX в. вряд ли обоснованным является употребление автором применительно к России таких понятий, как «метрополия», «фронтир» (с. 149). Специфика нашей страны как раз в том и заключалась, что огромные массы населения не делились на господствующую и подневольную нации, а становились единым интегрированным имперским целым, хотя нельзя отрицать в нём наличия некоторых специфических региональных особенностей.

Означали ли такие процессы исчезновение или деградацию мордовского этноса? Автор ответил на этот вопрос отрицательно. Ассимиляция и рассеяние по территории России – да, но вековая жизнестойкость, постоянная тенденция к этнической спайке как двух субэтносов – эрзи и мокши, так и народа в целом, умение возрождаться после тяжёлых исторических испытаний выработали в мордовском народе способность оставаться «пульсирующим этносом», как констатировал Юрчёнков. Это означает, что в условиях, требовавших сплочения перед лицом опасности, в народе проявлялось стремление к консолидации (с. 151).

В последующих главах книги автор внимательно отследил специфические черты края, роль его населения (не только мордвы) в общерусских исторических событиях. Так, описывая патриотический порыв народа в период Отечественной войны 1812 года, героическое участие выходцев из Мордовии в сражениях на полях России и Европы, Юрчёнков показал одновременно и антикрепостнические волнения в крае, в том числе среди ополченцев (Инсаровское восстание), что по-новому позволяет оценить обстановку в тылу воюющей России.

Приняв прежнюю советскую периодизацию истории революционного движения в России, автор внимательно изучил проявления на мордовской земле декабризма, революционного демократизма, народничества, связанных в основном либо с русскими дворянами и разночинцами, либо со ссыльно-поселенцами. Правда, с автором можно и поспорить: вряд ли отмеченные им революционные тенденции, как и зарождение марксизма, имели для здешних мест большое значение. Думается, что в

XIX в. регион жил совсем другими заботами, особенно в период промышленного переворота и во времена Великих реформ. Отмена крепостного права, введение земств, нового суда, городского положения, развитие капиталистических отношений, начало железнодорожного бума, превратившего города края в крупные транспортные узлы, нарастание аграрного перенаселения, стремление крестьян к подлинной воле на своей земле, вылившееся в крестьянские бунты после выхода в свет манифеста 19 февраля 1861 г. – всё это стало органической и, действительно, заметной частью жизни Мордовии, о чём хорошо говорится в книге.

Далее перед читателями проходит описание канонизации Серафима Саровского и реакция на него местного населения, участие С.Ю. Витте и П.А. Столыпина в делах края; рассказ о так называемой Рузаевской республике во время революции 1905 г., вовлечении народных масс в общероссийские общественные процессы, в частности в выборы в Государственную думу, о трудностях и противоречиях столыпинской аграрной политики в регионе с массой малоземельного крестьянства. Первая мировая война представлена историей формирования на земле края воинских подразделений и их последующего героического участия в боях на карпатских перевалах. Февральскую революцию, по словам автора, Мордовия встретила восторженно, с большими надеждами, которые быстро померкли под влиянием двоевластия, половинчатой политики в земельном вопросе. Местное крестьянство начало самостоятельно земельный передел.

В таких условиях, подчеркнул автор, пробуждалось и крепло национальное самосознание народов Поволжья, в том числе мордвы, которая продемонстрировала стремление к культурно-просветительским формам самоопределения. Опыт Рузаевской республики 1905 г. пригодился рабочим, солдатам, крестьянам края в период перехода к власти Советов. Бедный аграрный регион поддержал первые преобразования советской власти и встретил «полным равнодушием» разгон Учредительного собрания, отметил Юрчёнков, хотя на осенних выборах 1917 г. 78–80%

населения поддерживали эсеров. Зато наступление военного коммунизма, продразвёрстки, хлебных реквизиций, национализацию местной, в основном мелкой, промышленности мордва встретила враждебно, отстаивая экономическую свободу. Завязался тугой узел противоречий между мордвой и советской властью, углубившийся в годы Гражданской войны, когда расселённое ранее мордовское население сражалось на стороне как красных, так и белых (в частности, в дутовском движении), а позднее почти поголовно поддерживало мятеж Антонова.

Социальные противоречия в Мордовии ослабли во время нэпа, но обострились с новой силой в период сплошной коллективизации и так называемого раскулачивания. Спецификой аграрного развития края, по мнению автора, являлось отсутствие крупных массивов помещичьих земель, а потому крестьяне мало выиграли от земельных преобразований Октября. Они враждебно встретили нэповскую стабилизацию и успехи крепкого крестьянства, но активно поддерживали раскулачивание, нанеся непоправимый урон местному аграрному сектору. Коллективизация, подчеркнул Юрчёнков, приняла здесь особенно жёсткий характер: благодаря рвению местной бедноты её темпы и глубина перекрыли даже заданные центром параметры. Автор использовал принятые в советской историографии понятия «кулак», «раскулачивание», хотя в отношении бедной мордовской деревни они звучат несколько странно.

В условиях сталинского «большого рывка» в конце 1920-х – начале 1930-х гг. состоялось государственное оформление мордовского народа – сначала в виде автономной области, а в 1934 г. – в виде автономной республики. Автор интересно рассказал о первых шагах республики, её «детской болезни» национализма, когда местные вожди, переживавшие эйфорию кажущейся самостоятельности, порой противопоставляли себя партийно-советскому центру, что вызвало волну репрессий в республике в середине 1930-х гг. и особенно в 1937 г.

Коснулся автор и мучительной для Мордовии индустриализации, в ходе которой рушились вековые традиции мест-

ной промышленности. При отсутствии квалифицированных кадров рабочих и инженеров ускоренное строительство предприятий сопровождалось массовыми срывами производственных планов, постоянными поломками оборудования, браком, что вызывало ярость у руководителей всех рангов и определялось как вредительство. Мордовия покрылась сетью концентрационных лагерей не только местного, но и всесоюзного масштаба. Характеризуя то время, Юрчёнков отметил: «1930-е гг. занимают особое место в истории Мордовии. Это было время становления республики, время надежд и ожиданий, многих начинаний и свершений. Однако это были и годы разочарований, трагических ошибок и преступлений» (с. 248).

Свой вклад в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне внесла и Мордовия, о чём подробно повествуется в книге. Сформированные в республике воинские подразделения прославили себя в ходе боевых действий. Как и некоторые другие регионы, расположенные в глубоком тылу, Мордовия участвовала в совершении беспримерного подвига военного времени – эвакуации промышленных, в том числе военных предприятий, а также в размещении населения, уходившего с оккупированных врагом территорий. Замещая ушедших на фронт мужчин, на производство пришли женщины и дети. Несмотря на политические и экономические потрясения 1930-х гг., Мордовия показала себя неотделимой органической частью единого целого – борющегося народа. После войны она, как и весь народ, прошла нелёгкий путь восстановления, перехода на мирные рельсы, реэвакуации, осложнённых в республике беспримерной засухой и голодом 1946 г., новой волной «раскулачивания» в 1948 г.

Заключительный раздел книги посвящён истории Мордовии в 1950–1980-е гг. Республика пропустила через свою жизнь бурный период реформ Н.С. Хрущёва и разоблачение культа личности И.В. Сталина, делегировала молодёжь и специалистов на освоение целины, на брежневские «великие стройки коммунизма»; пережила период раскрестьянивания деревни и урбанизации. Автор, на мой взгляд,

слишком деликатно обошёл вопрос о реакции в республике как на хрущёвскую критику Сталина, так и на консервативные устремления преемника Хрущёва. Между тем освещение этой проблемы помогло бы понять отношение жителей края к новому курсу, провозглашенному М.С. Горбачёвым, и общественно-политический облик народа уже в более поздний период.

Автор пришёл к выводу: несмотря на трудности, хозяйственные и политические ошибки, вплотную затронувшие Мордовию, её население во второй половине XX в. всё более явственно ощущало общий цивилизационный прогресс, улучшение образа жизни. Другой вопрос, что подобные перемены порождали среди населения стремление к соответствию общемировому уровню развития. Это приводило к нарастанию новых кризисных настроений в обществе, оживляло пульс этнических требований.

Свободная, «лекционная», форма изложения позволила автору насытить книгу живыми, порой поэтическими картинками и образами природы родного края, описанием поселений в древности и средневековье, традиций, быта, верований, в том числе и двоеверия; вплести в ткань повествования богатый историографический материал, изложить различные точки зрения, особенно на спорные и неясные вопросы. И конечно, украшением работы является представленная в ней вереница людей – князей и старейшин, героев борьбы за свободу и независимость народа, общественных деятелей, военачальников, учителей и просветителей, создателей мордовской государственности. Думаю, что книга В.А. Юрёнкова представляет большой научный и просветительский интерес для изучения истории России в целом и Мордовии в частности, для воспитания молодого поколения республики на понимании трудной и прекрасной судьбы родного народа.

Ася Карданова

Рец. на: Н.Ф. Бугай. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. Очерки. М.: Гриф и К, 2014. 420 с.

Asia Kardanova

(Karachaev-Cherkessian institute for humanities, Russia)

Rec. ad op.: N.F. Bugai. Kavkaz. Etnicheskie men'shinstva: proshloe i nastoyashchee. Ocherki. Moscow, 2014

В советской и российской историографии уделялось не так много внимания изучению истории этнических меньшинств в масштабе как государства, так и его крупных регионов. В то же время появились труды по истории титульных народов, именами которых назывались союзные и автономные республики. Применительно к ним историко-этнографическая наука заметно продвинулась вперёд: исследовались проблемы, связанные с ролью и местом таких общностей в борьбе за власть в период революций 1917 г. и упрочения нового общественного строя в Советской России, а также с развитием их социаль-

ной сферы. Изучались вопросы, касавшиеся приоритетных направлений национальной политики страны, в которой проживало более 200 народов, а также их участия в советском, национально-государственном строительстве и защите завоеваний СССР¹.

Согласно общепринятой точке зрения Советское государство с первых дней существования начало преобразования в сфере межнациональных отношений и взаимодействия этнических общностей с органами государственной власти в центре и на местах. Осуществлением институционализации этого направления